

Каждый год, когда в Шанцзин приходила зима, он превращался в подобие ледяного города. В окружении треска и грохота фейерверков Дуань Лин встретил свой четырнадцатый год, и в канун Нового года он сидел лицом к лицу с Ли Цзяньхуном.

— Это первый Новый год, который мы встречаем вместе.

Улыбаясь, Ли Цзяньхун налил Дуань Лину немного вина.

— Выпей немного. Ты можешь пить вино, но не слишком увлекайся.

Дуань Лин и Ли Цзяньхун формально уселись; голос Дуань Лина был уже не таким шелковистым, каким был в детстве.

— Папа, я поднимаю тост за тебя. За победу, как только поднимется твое знамя.

Они выпивали, сидя друг напротив друга, и при свете лампы Ли Цзяньхун серьезно наблюдал за Дуань Лином.

— Ты вырос.

Дуань Лин допил вино и медленно выдохнул.

Вообще-то я совсем не хочу взрослеть, подумал он про себя.

Но вслух он спросил:

— Разве взросление — это не хорошо?

— Это хорошо. Папе нравится, как ты повзрослел.

Дуань Лин засмеялся. Ли Цзяньхун всегда так говорил, но Дуань Лин знал, что он никогда не говорил правды. Почему-то с того дня, как Ли Цзяньхун начал обучать его владению мечом, он почувствовал, что между ними что-то изменилось. С тех пор как они вернулись из Академии Биюн, они больше не делили постель. Но если Дуань Лин спал на кровати, то Ли Цзяньхун по-прежнему спал в той же комнате, ложась во внешней половине, расположенной чуть поодаль.

Сегодня вечером Дуань Лин выпил немного вина, ему стало немного жарко, и он не мог уснуть, поэтому Ли Цзяньхун подошел к нему и лег на кровать. Дуань Лин придвинулся ближе к стене, оставляя для него место.

— Сынок, — произнес Ли Цзяньхун, — папа завтра уезжает.

Дуань Лин перевернулся лицом к стене, не издавая ни звука.

Ли Цзяньхун схватил его и развернул лицом к себе. Глаза Дуань Лина покраснели.

— Почему ты смущаешься?

Ли Цзяньхун поддразнил его, улыбаясь, а затем притянул к своей груди.

За почти год занятий боевыми искусствами тело Дуань Лина постепенно окрепло, но, когда его обнимал Ли Цзяньхун, они словно повернули время вспять, к самому первому дню его приезда. Ли Цзяньхун слегка наклонился, заглядывая ему в глаза, двумя пальцами развязал красный шнурок на шее и достал нефритовую дугу.

— Отец подвел тебя, подвел твою мать.

Дуань Лин посмотрел в глаза Ли Цзяньхуна, его зрачки были подобны капле звездного неба в крошечной тьме.

— Больше всего в этой жизни я жалею о том, что не пошел искать вас двоих.

— Это все в прошлом...

— Нет, — Ли Цзяньхун покачал головой, прерывая Дуань Лина. — Если я не скажу этого, мое сердце никогда не успокоится. Тогда я был несмышленным и импульсивным, мне казалось, что Сяовань не понимает, что хорошего в том, чтобы вот так просто уйти, и я думал, что она в конце концов вернется. Прошло целых десять лет. Я и представить себе не мог, что ее уже нет.

— Почему она хотела уехать?

— Потому что твой дедушка не согласился на брак. Она была простолюдинкой, а я — принцем, служившим в пограничном гарнизоне. Все это время она ждала, что я скажу, что женюсь на ней, но я так и не сказал. Они хотели, чтобы я женился на младшей сестре Му Куанды, нынешней принцессе, жене твоего четвертого дяди.

— Что произошло потом?

— Тогда Лан Цзюнься совершил ошибку, и я собирался наказать его в соответствии с военным уставом. Она попросила о снисхождении к нему, так как считала, что его преступление не заслуживало смертного приговора. Мы ругались всю ночь, и она ушла, как только рассвело. Я велел Лан Цзюнься перехватить ее. Он побежал за ней с мечом и вернулся, чтобы сказать мне, что она взяла себя в заложники и сказала, что покончит с собой, если он заставит ее вернуться. Этот непреклонный нрав... тц-тц-тц.

Ли Цзяньхун беспомощно покачал головой.

— У папы тоже очень вспыльчивый характер. Я думал, что раз она вернулась на юг, то рано или поздно выйдет замуж, поэтому просто оставил все как есть. Я никогда не спрашивал о ней все эти годы — до того дня, когда Чжао Куй лишил меня командования войсками от имени императорского двора. Когда я бежал с горы Цзянцзюнь, тогда я и попросил Лан Цзюнься забрать ее.

— Я и не предполагал, что она уже умерла, — закончил Ли Цзяньхун. — И что она родила мне тебя.

— Ты жалеешь об этом?

— Конечно. Я часто думаю, что когда-нибудь должен присвоить ей посмертный титул. Но она уже умерла. Что толку в посмертном титуле?

Дуань Лин возился с нефритовой дугой, висящей на шее Ли Цзяньхуна, положив голову на его руку, и Ли Цзяньхун снова испустил долгий вздох.

— Прости меня, Жо-эр. Скажи мне «Я не ненавижу тебя, папа», и я буду относиться к этому так, будто вы с мамой сказали это вместе*.

* -er — распространенный уменьшительно-ласкательный суффикс, используемый для обозначения кого-то младше. Буквально означает сын, но в качестве суффикса указывает на молодость. Говорящий не обязательно должен быть старше.

— Нет, — внезапно произнес Дуань Лин.

Ли Цзяньхун склонил голову и посмотрел на сына.

— Ты нам еще много должен.

Дуань Лин улыбнулся.

— Ты должен быть уверен, что останешься в живых. Когда ты станешь совсем-совсем старым, еще не поздно будет сказать что-то подобное.

Уголок рта Ли Цзяньхуна слегка искривился.

— Хорошо. Обещаю.

— Удар ладонью — это клятва, — произнес Дуань Лин.

Ли Цзяньхун обхватил его рукой, а теперь поднял другую и трижды ударил ладонью по ладони Дуань Лина. Этой ночью Шанцзин встретил сильнейший снегопад, который когда-либо видел город; снежинки падали шквалом, рассыпаясь по горизонту.

Когда на следующее утро Дуань Лин открыл глаза, Ли Цзяньхун уже исчез.

— Папа!

Он встал и обыскал весь дом. Все, что ему нужно было взять с собой в школу, уже было готово, не хватало только Ли Цзяньхуна. Меч лежал сверху его багажа.

В первый день возобновления занятий в Академии Биюн царило оживление. Ремонт зданий был завершен, даже деревянные жетоны поменяли на новые. Дуань Лин двигался по коридорам так же плавно, как легко груженная повозка по знакомым дорогам, поздоровался с приятелями и сам заправил постель.

— А где твой отец? — Цай Янь тоже расстелил постель.

— Он уехал по делам.

— Когда он вернется?

— Наверное, через год.

Дуань Лин и Цай Янь сидели на своих кроватях и молча смотрели друг другу в глаза. Цай Янь улыбался ему, и Дуань Лин улыбался в ответ, как будто они оба знали, о чем думают, без необходимости обмениваться словами.

***

Сычуань; третий день первого месяца.

— Ли Цзяньхун вернулся, — сказал Чжао Куй. — Он движется по дороге Шанцзин с десятью тысячами киданьских солдат, сначала через гору Бо, источник Цисюэ, гору Цзянцзюнь, а затем по западной дороге в Сычуань. По всему пути есть естественные стратегические опорные пункты.

Му Куанда, Чан Люцзюнь, У Ду, Лан Цзюнься и один ученый собрались в кабинете Чжао Куя, рассматривая карту, висящую на стене.

— На каком основании? — спросил Му Куанда.

— Придворная чистка, — ответил Чжао Куй*.

* Буквально «очистить сторону императора», подразумевается чистка тех слишком могущественных чиновников, которые влияют на императора. Но часто это было просто предлогом для государственного переворота.

— Мы не можем держать Его Высочество четвертого принца в неведении относительно этого, — добавил Му Куанда.

— Канцлер, генерал.

Этот ученый оказался главным советником Му Куанды. Он довольно вежливо произнес:

— Мы можем обвинить его в измене. Это единственный способ убедить четвертого принца.

Му Куанда хмыкнул в знак согласия и кивнул.

— Нам нужно отдать приказ о переброске войск, — сказал Чжао Куй.

— Когда Ли Цзяньхун бежал четыре года назад, мы уже перебросили всех солдат. Сейчас на западной дороге полно тех, кто раньше служил под его командованием. Скорее всего, они сдадутся без боя.

— Передислоцируйте их.

Му Куанда поднялся.

— Нельзя терять время. Я отправлюсь во дворец прямо сейчас. Первое, что я сделаю, — объявлю от имени Его Величества выговор Ли Цзяньхуну за переход на сторону врага и государственную измену, перечислю восемь его главных преступлений и подпишу указ о переброске. Но, боюсь, если мы направим войска сейчас, будет уже слишком поздно.

— У меня есть свои средства, чтобы сдержать его, — сказал Чжао Куй с таким видом, будто у него все было продумано.

Му Куанда слегка сузил глаза.

Чжао Куй сказал:

— Канцлер, сюда, пожалуйста.

Му Куанда покинул генеральскую усадьбу в сопровождении двух своих доверенных лиц, одного, владеющего чернилами, и одного, владеющего мечом, и они сели в карету. Чан Люцзюнь занял место кучера, а ученый и Му Куанда расположились в салоне.

— Чан Пин.

Му Куанда откинулся на мягкую скамью внутри кареты.

— Да, канцлер, — произнес ученый по имени Чан Пин. — Улохоу Му, должно быть, обнаружил какую-то слабость Ли Цзяньхуна.

— Что может быть его слабостью? — пробормотал Му Куанда.

Чан Пин на мгновение задумался над этим.

— Шесть лет назад, когда У Ду и Теневая стража отправились в Шанцзин, их капитан погиб. Очевидно, Ли Цзяньхуна в Шанцзине не было, так что же заставило Улохоу Му выйти на бой с У Ду, чтобы ценой своей жизни показать себя? Еще тогда я предположил, что единственная версия — то, что жена и ребенок Ли Цзяньхуна находятся в Шанцзине.

Му Куанда задумчиво хмыкнул.

— В этом есть смысл. Если ему удастся использовать жену и ребенка Ли Цзяньхуна в качестве заложников, то он сможет немного задержать его, но не думаю, что надолго.

Чан Пин добавил:

— Боюсь, Чжао Куй хочет не просто задержать его, а убить.

Му Куанда засмеялся.

— Теперь он действительно просто обманывает себя.

— Чжао Куй занимается другими вещами так же, как и войсками на поле боя. Он никогда не сделает ход, если не продумает свой следующий шаг. Если он сначала убьет семью Ли Цзяньхуна, это наверняка пошатнет его психологическое состояние, а значит, заманить его в ловушку и убить — будет не так уж и сложно. Если Улохоу Му справится с этой задачей, ему даже не придется лично встречаться с Ли Цзяньхуном. Ему нужно будет только доставить им головы, и Чжао Куй точно победит.

Му Куанда ответил:

— Эта голова, пожалуй, гораздо полезнее, чем голова четвертого принца.

Му Куанда залился искренним смехом, и Чан Пин присоединился к нему. Му Куанда добавил:

— Это будет трудно устроить.

Карета остановилась. Чан Люцзюнь спустился, а Му Куанда зашел во дворец.

Ли Яньцю стоял в галерее в момент, когда тот приблизился и поклонился ему, подходя ближе.

— Выйдете, — приказала принцесса Му Цзиньчжи своим слугам.

Му Куанда улыбнулся ей и молча встал в коридоре, заложив руки за спину. Му Цзиньчжи некоторое время смотрела вслед старшему брату, и в конце концов ей ничего не осталось, как повернуться и уйти.

Ли Яньцю бросил на Му Куанду внимательный взгляд, и он поклонился ему.

— Приветствую вас, Ваше Высочество.

Затем Ли Яньцю бросил мимолетный взгляд на Чан Люцзюня, стоящего позади Му Куанды, и снова обратился к Му Куанде.

— Прошло много времени с вашего последнего визита, канцлер Му.

— Сегодня возникла срочная внештатная ситуация, о которой я должен сообщить Его Величеству.

— Отец принял лекарство. Он уже лег спать. Что бы там ни было, вы можете просто сказать мне.

— Его Третье Высочество одолжил у Елюй Даши десять тысяч элитных войск и направляется на юг по западной дороге во имя придворной чистки. Он может оказаться у стен Сычуани в течение трех месяцев.

— Я знал, что Третий брат не умер, — бесстрастно произнес Ли Яньцю.

Му Куанда не ответил ему, он просто ждал, когда тот произнесет эту решающую фразу.

Ли Яньцю долго молчал, и в конце концов произнес только одну.

— Я скучаю по нему.

И как только эти слова были произнесены, Ли Яньцю повернулся и ушел.

Только тогда из-за колонны появилась Му Цзиньчжи, ее взгляд был устремлен на старшего брата.

— Я всегда был тактичным человеком.

Му Куанда слабо улыбнулся и достал записку, чтобы передать ее Му Цзиньчжи, указывая, что она должна позаботиться об этом.

Сквозь оконные стекла просачивался свет, освещая холодную морось ветреного дождя в Сычуани. Му Цзиньчжи расстелила на столе рулон желтого шелка, взяла кисть, обмакнула ее в тушь и вложила в руку Ли Яньцю.

Му Куанда с улыбкой ждал снаружи, заложив руки за спину, и вскоре из кабинета донесся громкий треск: Ли Яньцю с размаху ударил кисточкой и чашкой для промывания, и все они упали на пол.

Му Цзиньчжи достала императорский указ и протянула его Му Куанде, и тот взял его и ушел.

***

Первый месяц, пятнадцатый день: в Юйбигуань прибыл приказ о переводе. Войска начали передислокацию.

Второй месяц, первый день: Ли Цзяньхун прибыл к Великой стене и исчез в конце пустыни подобно урагану.

Второй месяц, десятый день: районы Юйлинь и Юдай были приведены в состояние повышенной готовности, они ожидали грозного врага, но в мгновение ока Ли Цзяньхун появился в четырехстах ли от них, в Цзюйюнгуань. Во время ночного рейда его передовой отряд захватил Цзюйюнгуань, скоординировав атаку с солдатами внутри ворот. Но, взяв Цзюйюнгуань, он не спешил идти дальше. Вместо этого он обратился ко всем жителям Поднебесной с призывом присоединиться к его походу, собирая военные силы.

Всем, кто присягнет ему на верность до падения города Сычуань, будут прощены все прежние проступки без исключения.

Третий месяц, первый день: Цзянчжоу, Янчжоу, Цзяочжоу и Цзянчжоу были потрясены до глубины души. В это же время императорский двор издал указ, скрепленный печатью империи, в котором были перечислены восемь преступлений Ли Цзяньхуна.

Но Ли Цзяньхун был чрезвычайно терпелив. Он собрал свои войска перед Цзюйюнгуань, ожидая первой битвы, которая также была самой сложной; он ждал, пока войска Чэнь передислоцируются с востока на запад — и атаковал их, пока они были еще измождены путешествием.

Ли Цзяньхуна с ним не было, но жизнь Дуань Лина оставалась вполне обыкновенной. Днем он учился, а по вечерам занимался с Цай Янем фехтованием, совершенствуя свои базовые навыки.

В начале весны над Шанцзином пронеслась вездесущая песчаная буря, и снова наступило время месяца, когда нужно было возвращаться домой. Дуань Лин сам сложил вещи, а когда собрался уходить, увидел, что недалеко в переулке стояла девушка и разговаривала с Цай Янем, когда они закончили разговор, она посмотрела на Дуань Лина.

Это была Дин Чжи. Он давно ее не видел. Когда-то у нее был мимолетный роман с Цай Вэнем, поэтому Дуань Лин предположил, что она, вероятно, иногда присматривала за теперь уже безродным Цай Янем. Дуань Лин поприветствовал ее, но, когда он проводил ее, Дин Чжи вручила ему письмо. Конверт был совершенно пуст; он сразу же понял, что это письмо от Ли Цзяньхуна, и поспешил домой, чтобы вскрыть его.

Соскоблив восковую печать, он обнаружил, что стиль каллиграфии был не тем, который обычно предпочитал его отец, очевидно, чтобы избежать раскрытия важной информации. Вместо этого он увидел неровный, обычный почерк, как будто слова были нанесены гравюрой по дереву. Адресата не было, как и подписи.

«Ворочаюсь и мечусь, скучаю по тебе днем и ночью. Два из десяти дел, которые нужно сделать, уже завершены; за Великой стеной нет ничего, кроме развевающегося песка. Из всей бескрайней сансары я скучаю только по твоему уголку мира с его великолепными цветами, распускающимися и полными надежд.

За время, проведенное на земле, я больше всего горжусь только этим: с мечом царства в руках я указал бы тебе путь*.

* В этом есть двойной смысл: и «я бы указал тебе путь», и «я бы управлял югом за тебя». Однако в оригинале текст песни 卍 звучит так: «Я связал воедино яркий лунный свет и укажу тебе путь».

Сожги!»

Дуань Лин не мог смириться с мыслью о том, что это письмо нужно сжечь; он перечитывал его

снова и снова, а затем засунул под матрас. Наконец, поднявшись с кровати посреди ночи, он еще раз внимательно перечитал его, а затем смотрел, как оно сгорает, чувствуя, что в его сердце вонзается нож.

***

Третий месяц, семнадцатый день: Ли Цзяньхун с легкостью вышел из Цзюйюаня и в одном решающем сражении на равнине нанес юго-западной армии сокрушительное поражение, убив три тысячи триста человек и включив шестнадцать тысяч семьсот сдавшихся в свои войска. Вслед за этим сражением он непрерывно захватил шесть городов подряд, пока его армия не оказалась в Ханьгугуань.

— Ли Цзяньхун на месте, я пришел с визитом.

Ли Цзяньхун спросил, сидя на коне:

— Чжао Куй здесь?

Защитники тут же испуганно отшатнулись, не решаясь выйти на бой.

— Чего вы его так боитесь?

Страж ворот Ханьгугуань крикнул:

— Удерживайте ворота! Он что, отрастит крылья и прилетит сюда?!

Ли Цзяньхун немного подождал, а затем снова закричал.

— Его здесь нет? Тогда я останусь и буду ждать его!

Двадцать шесть тысяч солдат расположились за пределами Ханьгугуань; весть об их прибытии уже распространилась по всему югу, и каждая провинция стала с беспокойством ждать, когда Цзянчжоу выберет сторону. Однако губернатор Цзянчжоу все это время отказывался посылать войска.

Целый месяц императорский двор продолжал посылать подкрепления, и к пятнадцатому числу четвертого месяца в Ханьгугуань находилось уже двести пятнадцать тысяч человек.

Казалось, что Ли Цзяньхун ждал все это время. Он был очень терпелив. Чжао Куй тоже ждал и был еще более терпелив, чем Ли Цзяньхун.

Сейчас Чжао Куй находился в армейской палатке в Ханьгугуань, но никто не знал, что он здесь.

— Если послать туда двадцать тысяч человек, — сказал У Ду, — этого будет достаточно, чтобы затоптать его до смерти.

Чжао Куй произнес:

— Еще не время.

У Ду посмотрел на карту на стене.

— Я не понимаю.

— Ты многого не понимаешь. Иногда нужно взять и обдумать все с обратной стороны.

У Ду долго размышлял над этим.

Чжао Куй продолжил:

— То, чего ты не понимаешь, не более чем причина, по которой Улохоу Му сменил сторону и присоединился к нам.

— Да, этот человек...

— Ты уже повторял это снова и снова бесчисленное количество раз.

И У Ду замолк.

Чжао Куй добавил:

— Почему бы не подумать об этом с другой стороны: если он готов предать Ли Цзяньхуна, значит, у него есть на то свои причины, которые не оставляют ему иного выбора.

— Этой старухи недостаточно для того, чтобы считать ее причиной. Конечно, есть и другие мотивы, заставившие его пойти на предательство — и, если Ли Цзяньхун узнает об этом, он отрубит ему голову.

У Ду сузил глаза.

— Послание...

В шатер вбежал гонец.

— Цзянчжоу пал! Се Ю дезертировал!

Ли Цзяньхун оставил под Ханьгугуань десятитысячное войско из Ляо, создав впечатляющую иллюзию огромной военной силы. Затем в ту же ночь, когда он прибыл в Ханьгугуань, он провел сдавшиеся ему чэньские войска через исток Желтой реки и тихо поспешил в Цзянчжоу, о чем никто не подозревал. Пока Цзянчжоу еще внимательно наблюдал за ходом войны со стороны, Ли Цзяньхун уже добрался до тени городских стен.

Цзянчжоу славился своими «Черными доспехами»; здесь всегда считали своим долгом отстаивать право императорской семьи на власть. Ли Цзяньхун остановил своего коня перед бушующей Янцзы, с Чжэньшаньхэ в руке, перед пятьюдесятью тысячами солдат Черных доспехов.

— С этим мечом в руке, — раздался чистый и ясный голос Ли Цзяньхуна, — я сражусь вместе с сыновьями Великой Чэнь, которые стоят за мной! Я знаю, что в этом мире еще есть те, кто родился не для того, чтобы благоговеть перед властью, не для того, чтобы плыть по течению — они родились только для этой империи.

Ли Цзяньхун окинул всех взглядом.

— Чжао Куй совершил предательство. Если вы не пошлете свои войска мне на помощь, то убейте меня на месте и окрасьте эту реку в алый цвет — лишите меня жизни. В бой! Не нужно лишних слов!

Все солдаты железной кавалерии подняли щиты, издавая рев, от которого сотрясалась земля.

Кто-то в задней части строя произнес:

— Подождите!

— Ваше Высочество!

Из рядов выехал крепкий мужчина на черном коне.

— Пожалуйста, зайдите в город, чтобы выпить чашку чая с горы Юйхэн.

Ли Цзяньхун немного приподнял свой тигриный шлем, открывая красивые черты лица, и

встретил взгляд этого человека.

— Се Ю, как ты поживаешь в последнее время? Мой отец вот-вот скончается! Под давлением чиновников, пользующихся слишком большим влиянием, мой младший брат издал императорский указ, чтобы покарать меня. Так ты окажешь мне эту услугу или нет?

Се Ю произнес пониженным голосом:

— Мой праведный пыл не угас, день долог. Процветающее царство, величественная империя — я узнаю это, когда увижу. Ваше Высочество, прошу вас войти в город, и давайте поговорим.

Черные доспехи равномерно разошлись в обе стороны, оставляя проход, по которому Ли Цзяньхун смог войти в город.

В тот же день город Цзянчжоу объявил о своем переходе на сторону Ли Цзяньхуна.

***

Пятый месяц, пятое число: праздник драконьих лодок.

В это время в Шанцзине начали распускаться персиковые цветы, а их ветви стали густо пышными и зелеными. Вернувшись домой, Дуань Лин получил второе письмо.

«Лазурные волны Цзянчжоу плещутся, размываясь, а облачное море Юйхэн простирается вдаль. На вершине горы моему взору открывается бескрайний север. У нас общее небо, но мой голос не доходит до тебя; хотел бы я быть лунным светом, озаряющим тебя. Одолжу ненадолго твоего будущего личного телохранителя — он довольно умел. Дело сделано.

Сожги!»

Когда с юга пришли вести, Ли Цзяньхун взял двенадцать городов подряд, Цзянчжоу безоговорочно капитулировал, главнокомандующий цзянчжоуской армии Се Ю сдался в плен, а Ли Цзяньхун перебросил войска в Цзяньмэньгуань.

Дуань Лин уловил упоминание о «личном телохранителе».

Исторически сложилось так, что армия Цзянчжоу защищала только прямую императорскую родословную, и сколько бы раз она ни реорганизовывалась и ни формировалась заново, ее верность по-прежнему оставалась на стороне императорского дома. Но даже если император сам явится с тигровым знаком, ему все равно не позволят ей воспользоваться. Только жетон, передаваемый из поколения в поколение, да еще и находящийся у законного наследника престола, мог мобилизовать их по своему усмотрению.

По всей вероятности, он захватил Цзянчжоу, и теперь Ли Цзяньхун пополнил свои ряды пятьюдесятью тысячами цзянчжоуских солдат, и, продвигаясь дальше, его армия столкнется с последним естественным оплотом перед тем, как достигнуть Сычуани.

И даже спустя столько времени голова, которую хотел получить Чжао Куй, все еще не пришла. Даже если она прибудет сейчас, времени на ее использование уже не останется. Если он будет до последнего защищать Ханьгугуань, то Ли Цзяньхун сможет одним махом захватить всю территорию за его линией фронта. У того не было другого выхода, кроме как передислоцировать свои войска и двинуться на юг, чтобы встретиться с Ли Цзяньхунуном лицом к лицу.

— Знаешь, почему Чжао Куй снова и снова переносил столицу, почему он предпочел сбежать в Сычуань с моим отцом, а не основать столицу в Цзянчжоу? — обратился к Се Ю во главе армии Ли Цзяньхун, когда они остановились перед Цзяньмэньгуанем.

Се Ю молчал. Причина, по которой Чжао Куй перенес столицу и обошел стороной Цзянчжоу, заключалась, конечно же, в том, что он не хотел связываться с Черными доспехами. Если бы он основал новую столицу в Цзянчжоу, как бы он смог устроить переворот? Слова Ли Цзяньхуна также подразумевали, что он возлагал вину на Се Ю, спрашивая его, почему он не предпринял никаких действий раньше.

— Скажи что-нибудь.

Ли Цзяньхун дал Се Ю пинка.

— Я не умею говорить, а только убивать. Я уже давно никого не лишал жизни.

Ли Цзяньхун поднял голову и обратил внимание на перевал, бормоча:

— Мы должны взять его хитростью, а не силой.

Люди Чжао Куя уже были здесь, охраняли место, используя преимущества местности, но сам Чжао Куй никак не появлялся.

— Долгая ночь чревата снами, — сказал Се Ю. — Чем дольше мы ждем, тем больше может пойти не так.

— Мы не сможем этого сделать, — покачал головой и пробормотал Ли Цзяньхун. — Придется искать другой путь. Впереди еще много лет; мы не должны напрасно тратить жизни Черных Доспехов. И я не хочу больше совершать ненужных убийств. Просто сделай вид, что мы накапливаем хорошую карму для Великой Чэнь.

— Это на вас не похоже.

Се Ю бросил взгляд на Ли Цзяньхуна.

— У меня есть сын, — сказал Ли Цзяньхун Се Ю.

— Понял. Давайте пока отступим.

Все Черные доспехи и юго-западная армия отошли назад, отступая на двенадцать ли перед Цзяньмэньгуанем.

***

Война на юге зашла в тупик. Древние говорили, что самая надежная природная крепость — это Цзяньмэньгуань, и Чжао Куй действительно сделал хороший ход, когда сопроводил императорскую семью в новую столицу. Цзяньмэньгуань было неблагоприятным местом для нападающих, его было легко защитить, и в Сычуани не было других путей, кроме дороги Ханьчжун и Цзяньмэньгуань. Пока эти два пути охранялись, все дороги в Сычуань фактически были закрыты.

Под перевалом находились смертоносные речные пороги, а вокруг — обрывистые скалы и высокие горы. Чжао Куй расставил бесчисленные ловушки по обе стороны от перевала, и если Ли Цзяньхун бросит на него все свои войска в отчаянной битве, у него не будет даже трех шансов на победу из десяти. В то время как Чжао Куй все еще ждал, Ли Цзяньхуну уже угрожала неминуемая катастрофа со всех сторон.

Все внимание было приковано к этому конфликту — от успеха или неудачи Ли Цзяньхуна зависел баланс между ханьскими, киданьскими, сицянскими и монгольскими племенами. Если Цзяньмэньгуань не падет быстро, то его основные силы не смогут войти в Сычуань, и таким образом Великая Чэнь на юге будет разорвана на две части этой войной: Западная Чэнь Чжао Куя и Восточная Чэнь, которая присоединится к Ли Цзяньхуну. Чэнь распадется на куски из-за этой гражданской войны и привлечет еще более могущественных противников.

— А если он не сможет захватить его?

— Тогда им конец, — сочувственно произнес юноша иностранного происхождения, — Как Ляо сможет спокойно наблюдать за тем, как они снова разделяются?

— С севера на их земли претендуют монголы, — добавил кто-то еще, — А до этого Южная администрация наверняка захватит Цзяннань. Ли Цзяньхун лишился поддержки Сычуани, а Черные Доспехи будут сражаться только в гражданской войне, нет? Они охраняют сына Неба. Они не пойдут дальше Юйбигуань, а партизанская война или война на истощение им не по зубам. Как только наша Великая Ляо снова двинется на юг, в Цзяннань, она захватит все, словно осенний ветер, подметающий опавшие листья...

Молодые люди в Академии Биюн упражнялись в стрельбе из лука; со времен монгольского вторжения в Шанцзин занятия по боевым навыкам заняли важное место в их учебе. Никто не хотел беспомощно ждать, пока их будут убивать, и все стали серьезно относиться к обучению конной стрельбе из лука.

Прислушиваясь к разговорам вокруг, Дуань Лин хранил молчание.

— Если они снова разъединятся, — добавил другой, — Ли Цзяньхун войдет в историю Южной Чэнь как настоящее бедствие.

Ляо с крайней опаской наблюдала за стоящей позади Юань: за последние несколько лет монголы уже показали, что ждут своего шанса, чтобы двинуться на юг, захватив земли соседей. Как только юг погрузится в хаос, императорская семья Елюй первым делом предпримет еще одну южную экспедицию: сначала присоединит южную часть центральной равнины, например, провинции к востоку от Янцзы, а затем пустит корни, чтобы постепенно захватить Цзянчжоу и Сычуань. С Великой стеной в качестве границы они смогут противостоять вторжению монголов.

Ли Цзяньхун положил глаз на Сычуань, империя Ляо следила за югом, а монголы нацелились на Шанцзин и север. Богомол охотится за цикадой и не знает, что иволга смотрит ему в спину; биение крыла этой бабочки может вызвать тайфун.

Когда занятия по стрельбе из лука закончились, молодые люди все еще обсуждали вопрос юга, но Дуань Лин потерял интерес к их разговору. За последние несколько дней с юга пришло сначала много хороших новостей, но потом все больше плохих: если Ли Цзяньхун не сможет взять Цзяньмэньгуань в этом году, не сможет войти в Сычуань, то окажется с обеих сторон окружен врагами.

— Возможно, Елюй Даши с самого начала знал, что так будет, — когда Цай Янь вернулся в их комнату, он вдруг заговорил.

— Что?

Дуань Лин все еще размышлял, но вмешательство Цай Яня вывело его из задумчивости.

— А... ха. Это возможно, конечно. Но, скорее всего, он не имеет права принимать окончательные решения. Я думаю, что Хань Вэйюн воспользуется случаем, чтобы послать войска на юг и захватить суверенную территорию к югу от реки Хуай.

— Суверенную территорию, — произнес Цай Янь.

Дуань Лин понял, что Цай Янь на самом деле был киданем, поэтому поправил себя:

— Ханьскую суверенную территорию.

— Когда вернется твой отец?

— Не знаю. Юг перекрыл доступ к информации. Думаю, ему удастся сохранить себя в безопасности.

Цай Янь кивнул. Сразу после того, как они вдвоем умылись, во дворе начал звонить колокол: три раза, три раза и один раз — это был сигнал, оповещающий молодежь о том, что произошло нечто важное и им нужно собраться. Они вышли из своей комнаты и выстроились на площадке перед главным залом.

Елюй Даши был здесь; столь внезапное прибытие Северного принца застало врасплох всю Академию Биюн. Декан Тан шел впереди процессии, а Елюй Даши, Хань Цзели и богато одетый молодой человек вошли в главный зал, Елюй Даши и Хань Цзели последовали за юношей.

У него были тонкие черты лица, от него веяло благородством, и Дуань Лин при одном взгляде на него почувствовал — его статус был даже выше, чем у Хань Цзели и Елюй Даши! А в государстве Ляо выше Елюй Даши был только один человек: Елюй Цзунчжэнь.

— Ваше Величество!

Кто-то в Академии Биюн уже узнал Елюй Цзунчжэня и попытался сразу же отдать честь, но Елюй Цзунчжэнь выглядел вполне спокойным и доброжелательным. Он улыбнулся студенту.

— Вы можете обойтись без формальностей.

Судя по внешнему виду, Елюй Цзунчжэнь был не намного старше Цай Яня. Сцепив руки за спиной, он проходил мимо первого ряда и поочередно обращался к студентам. Он задавал вопросы, а студенты отвечали.

Елюй Цзунчжэнь обратил внимание на молитвенные четки на запястье одного из студентов.

— Ваша семья тоже приверженцы буддизма?

Дуань Лин тут же снял с шеи красный кулон-мешочек, но возвращаться в комнату, чтобы спрятать его, было уже поздно. В этот момент Цай Янь постучал двумя пальцами по тыльной стороне руки Дуань Лина, и тот ослабил хватку. Цай Янь взял нефритовую дугу и поклонился, разглаживая складки на платье. Когда он снова выпрямился, то сунул красный мешочек обратно в руку Дуань Лина, и тот провел по нему большим пальцем, обнаружив, что внутри мешочка лежал один медяк. В его голове зазвучали тревожные сигналы — похоже, Цай Янь знал, что у него на уме, но решил не выкладывать все начистоту.

Когда наступила очередь Дуань Лина, он сделал шаг вперед. Елюй Цзунчжэнь пронаблюдал за выражением его лица и улыбнулся.

— Я тебя знаю, тебя зовут... — Хань Цзели раздосадовался, что никак не мог вспомнить, как зовут Дуань Лина.

— Дуань Лин, — с улыбкой произнес он.

— Точно, точно, — ответил Хань Цзели. — Тот, кто избил Борджигина.

Елюй Цзунчжэнь засмеялся.

— О, но ты и вправду отомстил за меня*.

* «Чжэнь» — древнекитайский эквивалент императорского «мы». Оно пишется 朕 и означает просто «я». На самом деле это первоначальное «я». Но поскольку император взял его в качестве местоимения, никто другой не может его использовать.

Елюй Цзунчжэнь и Дуань Лин оценили друг друга.

— Чем занимается твоя семья?

— Мы занимаемся торговлей между севером и югом.

— Что это такое?

Елюй Цзунчжэнь заметил мешочек, висящий на шее Дуань Лина.

— Это от моего отца.

Дуань Лин достал медяк и показал ему.

Все захохотали.

Елюй Цзунчжэнь кивнул и захотел спросить еще о чем-то, но заметил, что Цай Янь наблюдал за ними с заднего ряда.

Елюй Даши сказал:

— Это младший брат Цай Вэня.

Елюй Цзунчжэнь все понял и подозвал Цай Яня. Поскольку Цай Вэнь пожертвовал собой, защищая Шанцзин, Елюй Цзунчжэнь сказал ему несколько добрых слов, чтобы утешить, а Дуань Лин отошел в сторону, рассматривая их. Раньше он подозревал, что Елюй Даши пришел сюда искать его, но теперь, когда он понаблюдал за ними некоторое время, это уже не выглядело так. Не похоже, чтобы Елюй Цзунчжэня действительно интересовало семейное происхождение каждого. Наоборот, казалось, что он просто пытался найти того, кто произведет на него хорошее впечатление с первого взгляда; когда подходил красивый молодой человек, он говорил с ним поподробнее. Остальным же он просто кивал и шел дальше.

После того как Елюй Цзунчжэнь познакомился со всеми, кто находился в академии, декан Тан сказал студентам, что они могут идти. Когда они вышли из главного зала, Дуань Лин вспомнил о нефритовой дуге и, встретившись взглядом с Цай Янем, понял, что тот видел его насквозь.

— Хочешь вернуть ее? — ответил Цай Янь. — Это мой запасной медяк.

Конечно же, Дуань Лин вернет ему медяк. Они уже собирались обменяться вещами, когда декан Тан окликнул их из коридора:

— Цай Янь, Дуань Лин, идите в боковое крыло. У меня есть для вас поручение.

***

Во внутреннем дворе бокового крыла Елюй Цзунчжэнь листал журнал записи студентов, а Хань Цзели беседовал с Елюй Даши. Всего сюда вызвали пятерых молодых людей: Хэлянь Бо, Цай Яня, Дуань Лина, еще одного юношу с сянбэйской фамилией Хуянь и сына чиновника из северной провинции Ляо.

Декан Тан подал Дуань Лину и Цай Яню знак, чтобы они следовали за Елюй Цзунчжэнем.

— Отвечайте на все вопросы Его Величества.

Сердце Дуань Лина бешено колотилось в груди, он не мог понять намерений гостя. Неужели Елюй Цзунчжэнь пришел за кем-то? Для чего?

Сцепив руки за спиной, Елюй Цзунчжэнь шел впереди, а все пятеро — за ним. Время от времени Цзунчжэнь что-то говорил, но ограничивался вопросами о том, сколько лет они провели в Биюн, как успехи в учебе и так далее. Предположительно, он проверял, насколько хорошо они учатся. Дуань Лин с удивлением обнаружил, что этот молодой император, похоже, обладал не меньшими знаниями, чем они. Очевидно, находясь в Шанцзине, он также усердно занимался.

А, за исключением Хэлянь Бо, остальные пришедшие были авторами лучших сочинений на вступительных экзаменах в академии Биюн еще весной.

— Я читал ваши сочинения вчера вечером. У вас всех очень хороший почерк. Теперь, когда мы встретились, я вижу, что ваша каллиграфия такая же, как и вы сами, каждый по-своему очарователен. Неплохо.

Все пятеро тут же поклонились, поблагодарив его.

— Вы двое — ханьцы.

Елюй Цзунчжэнь сел во внутреннем дворе.

— Последние новости с юга уже, наверное, распространились повсюду. Давайте послушаем, что вы оба думаете.

Руководитель учебного отдела внес поднос с закусками и чаем. Елюй Цзунчжэнь отпил глоток и с улыбкой произнес:

— У нас здесь не так много правил, просто говорите без стеснения. Я не ожидаю услышать ничего важного — давайте просто поболтаем.

Тогда Цай Янь сказал:

— Ваше Величество, я — кидань.

Елюй Цзунчжэнь сначала удивился, но затем улыбнулся.

— Ты совершенно прав, подданный Цай. Надеюсь, ты не обиделся.

— Учитывая, как обстоят дела в Цзяннани, мы не должны предпринимать кампанию без тщательного планирования. Великая Ляо уже сто лет занимает центральную равнину; лучшие возможности, чем эта, представлялись и раньше, но такой, которая дала бы нам шанс захватить весь юг, — никогда.

Елюй Цзунчжэнь кивнул в знак согласия.

Цай Янь продолжил:

— В схватке двух тигров один должен быть ранен, а Ли Цзяньхун и Чжао Куй — именно такие тигры. Поскольку Ли Цзяньхун уже получил помощь от Великой Ляо, мы можем помочь ему

контролировать Чжао Куя в обмен на шесть уездов вдоль центральной западной дороги.

Елюй Цзунчжэнь, похоже, молча размышлял над этим. Цай Янь понял, что сказал достаточно, и остановился на этом.

— Что скажешь, Дуань Лин? В твоём сочинении упоминается «внутренний мудрец, внешний государь» — старая концепция, объясненная по-новому. Это произвело на меня большое впечатление.

Теперь Дуань Лин мог примерно догадаться о намерениях Елюй Цзунчжэня — он пришел не для того, чтобы встретиться с Дуань Лином, и не потому, что узнал что-то новое. Причина приезда молодого императора в Шанцзин оказалась довольно проста. Возможно, он просто хотел найти себе нескольких партнеров по учебе, чтобы скоротать время.

— Это значит убедить простолюдинов подчиниться гуманному правлению. Куда укажет сердце Вашего Величества, туда и будет проложен путь гуманности. Гуманное правление — это открытое и негласное правление, то, что называется «открытыми замыслами». Все действия должны быть направлены на добродетель; «вера» и «справедливость» являются частью гуманного правления. Сейчас, когда Юань у наших границ с жадностью смотрит на территории Великой Ляо, не время рушить веру в других. Нация не устоит, если люди не будут в нее верить.

Елюй Цзунчжэнь хмыкнул, кивнул и с улыбкой сказал:

— Ты производишь из купеческой семьи, поэтому, вероятно, считаешь веру величайшей добродетелью. Только не нарушая веры можно искренне убедить других. Ты прав.

Елюй Цзунчжэнь бросил взгляд на Дуань Лина, но тот был все еще погружен в раздумья; судя по его выражению лица в эту долю секунды, Елюй Цзунчжэнь понял, что Дуань Лин все еще хотел что-то сказать, и послал ему пыливый взгляд в свою сторону. Но тот покачал головой и улыбнулся в ответ.

Елюй Цзунчжэнь тоже ответил улыбкой на улыбку, но не стал его больше допрашивать.

— Все ли желают отправиться со мной в Чжунцзин? — закончил Елюй Цзунчжэнь.

Кто посмеет отказать, когда император спрашивает о подобном? Сердце Дуань Лина тихо воскликнуло «о, нет», но внешне у него не было другого выхода, кроме как согласиться.

— Очень хорошо, — сказал Елюй Цзунчжэнь, — тогда в ближайшие дни проведите время со своей семьей. Когда придет время, вас известят.

Хань Цзели подошел, чтобы почтительно проводить Елюй Цзунчжэня, и они все вместе вывели

его из Академии Биюн. Проводить его пришли и декан, и все руководители. Елюй Цзунчжэнь сел в карету и покинул академию.

Только когда они уехали, Дуань Лин заметил, что одежда на его спине пропиталась потом. Все бросали друг на друга взгляды: глаза тех молодых людей, которые не были выбраны, были полны зависти, а те, кого выбрали, были отягощены собственными заботами.

Декан Тан сказал ему:

— Раз уж тебя выбрали, можешь сегодня же отправляться домой. Если хочешь остаться в Академии Биюн, это тоже неплохо. Делай что хочешь, только не покидай город.

Если бы у него был выбор, Дуань Лин предпочел бы не ехать. Он верил, что Елюй Цзунчжэнь не разгадал его личность, а Елюй Даши, возможно, даже не рассказывал ему о Дуань Лине. Судя по озабоченному выражению лица Северного принца, он был занят борьбой за политическую власть с отцом Хань Цзели, и у него не было времени подумать о нем.

Но самое главное — сможет ли его отец выиграть эту войну на юге. Если Ли Цзяньхун победит, то все эти проблемы будут решены с той же легкостью, с какой нож расщепляет бамбук. Неважно, останется ли он в Шанцзине или отправится в Чжунцзин вместе с Елюй Цзунчжэнем, со способностями отца он сможет пробраться туда и вывести его в любой момент.

Однако если Ляо решит послать войска прямо сейчас и предпринять масштабное вторжение на центральную равнину, пока Ли Цзяньхун и Чжао Куй находятся в тупике, все осложнится.

Вернувшись в свою комнату, Дуань Лин сел на кровать и предался размышлениям, глядя на солнечный свет, проникающий сквозь оконные стекла.

Цай Янь тоже вернулся, достал нефритовую дугу и положил ее. Она с легким звоном упала на стол.

— Это хорошая вещь. Не потеряй ее.

— Спасибо, — ответил Дуань Лин и возвратил ему медяк. Цай Янь, казалось, хотел что-то сказать, но придержал язык. Он подумал, что тот, должно быть, догадался, но пока Дуань Лин молчал, Цай Янь не собирался спрашивать.

— Куда ты планируешь отправиться дальше?

Цай Янь выдохнул и сел на кровать.

Несмотря на все это, Дуань Лин хотел бы остаться в Академии Биюн, так как там он сможет

узнать о том, что происходит на юге. Он размышлял над этим.

— Отец еще не вернулся. Здесь более оживленно.

— Тебе лучше пойти домой. Нас выбрали в качестве партнеров по учебе, поэтому некоторые люди будут завидовать. Они могут даже сплетничать о тебе и доставлять неприятности.

Подумав об этом, Дуань Лин понял, что это тоже было правдой. Он собрал свои вещи и ушел вместе с Цай Янем.

— Я приду к тебе домой вечером, и мы сможем поболтать, — добавил Цай Янь.

Дуань Лин сказал:

— Я приду к тебе домой.

— Я приду к тебе домой, — повторил Цай Янь.

Дуань Лин кивнул и договорился встретиться с ним сначала на закате на мосту, где они отправятся на ужин в ресторан, затем в купальню, а потом останутся на ночь в доме Дуань Лина.

Сейчас был шестой месяц, и в это время года растения в Шанцзине были очень зелеными и пышными. Дуань Лин бывал дома только раз в месяц, но никогда не было такого, чтобы он вернулся и увидел, что растения засохли, кто-то регулярно их поливал. Возможно, Калиновый двор получил от отца указание время от времени присматривать за их поместьем.

Персиковое дерево дало много незрелых плодов, но они так и не успели вырасти. Сначала Дуань Лин вздремнул, и ему снился Ли Цзяньхун, который все еще был на юге, но что касалось деталей сна, то к моменту пробуждения он уже практически все забыл. Он должен был как можно скорее сообщить Ли Цзяньхуну, что его выбрали для поездки в Чжунцзин. Поэтому Дуань Лин написал письмо, используя ту же фразу «В штормовую погоду я спускаюсь в западный павильон один», чтобы намекнуть отцу, что он может переехать*. Он отдаст его Сюнь Чунь, и она, вероятно, попросит кого-нибудь передать послание Ли Цзяньхуну.

* Это четвертая строка из стихотворения «Прощание в павильоне Се», написанного Сюнь Хуном.

Ему придется отправиться в Калиновый двор до захода солнца. Дуань Лин запихнул письмо под одежду и собирался уходить, как вдруг раздался стук в ворота.

— Поместье Дуань? — охранник зашел и посмотрел на Дуань Лина.

— Да, — ответил Дуань Лин.

На аллее перед его домом остановилась карета Северной администрации, и стражник жестом показал ладонью вверх, мол, будь добр. У Дуань Лина все еще было при себе то письмо, поэтому он сказал:

— Я приду, как только соберусь.

Взмахом руки охранник остановил Дуань Лина.

— Идемте прямо сейчас.

Дуань Лин начал нервничать, но ему ничего не оставалось, как сесть в карету. К его удивлению, занавеска открылась, и перед ним появилось лицо Елюй Цзунчжэня.

— Ваше Величество! — изумленно произнес Дуань Лин.

— Ш-ш-ш...

Елюй Цзунчжэнь улыбнулся ему.

— Проходи.

Дуань Лин немного успокоился, и под конвоем нескольких телохранителей они поехали по улице в сторону восточного района. Елюй Цзунчжэнь сказал:

— Бату уже писал мне письмо. В нем говорилось о тебе.

В обращении к себе Елюй Цзунчжэнь незаметно перешел от «чжэнь» к «я», и Дуань Лин тоже заметил это.

— У него все хорошо? Вообще-то он мне никогда не писал.

— У него все хорошо. Давным-давно мы с ним несколько раз встречались. Он сказал, что ты — его анда.

— Вообще, это не считается. Я еще не дал ему ни одной вещи в качестве подарка.

Елюй Цзунчжэнь начал смеяться, и Дуань Лин тоже улыбнулся в ответ, немного смущаясь.

Цзунчжэнь унаследовал глаза императрицы Сяо. Когда-то ходили слухи, что этот император был зачат вне брака между ей и Хань Вэйюном. Много лет назад все в Чжунцзине говорили об этом. Только когда он подрос и черты его лица стали более зрелыми, а густые брови сразу навевали мысли о смелых и суровых чертах великого предка Ляо, все эти домыслы отпали.

У него были брови, нос и губы воина. Когда он был спокоен, в нем был едва различимый сдержанный, убийственный холод, а когда он улыбался, он исчезал в одно мгновение, как нож, завернутый в конфету. Он очень любил улыбаться, и его улыбка была полна дружелюбия, но время от времени взгляд его глаз говорил о том, что он о многом размышлял.

— Что ты хотел сказать раньше, но так и не сказал?

Елюй Цзунчжэнь прислонился к стене рядом с окном, рассеянно постукивая пальцами по решетке.

В сердце Дуань Лина внезапно зародилась дерзкая идея.

Бату сократил расстояние между ними. Значит, теперь ему можно было кое-что сказать.

— Я...

Дуань Лин на мгновение задумался.

— Говори, Дуань Лин. Я часто думаю о том, что в мире действительно нет никого, кто бы мог много говорить о своих мыслях. Не разочаровывай меня.

Теперь Дуань Лин все понял.

— Семья Хань хочет отправить армию. Пока они не перешли реку вброд, нападите на них в воде*.

* Из «Комментария Цзо». Дуань Лин упоминал, что читал его, когда впервые встретил Ли Цзяньхуна.

— Верно, — ответил Елюй Цзунчжэнь.

— Северный принц хочет восстановить дружеские отношения с Южной Чэнь и продлить договор о реке Хуай, — добавил Дуань Лин. — Он хочет вместе сражаться с монголами.

— Верно.

Предположительно, и Южная, и Северная администрации бесчисленное количество раз обсуждали общую картину текущей ситуации. На деле же реальной властью в этой стране обладала императрица Сяо. Елюй Цзунчжэнь номинально являлся императором, но не мог принимать никаких реальных решений. Возможно, Елюй Цзунчжэнь приехал в Шанцзин в такое время не для того, чтобы просто выбрать себе партнеров по учебе, а для того, чтобы встретиться с Елюй Даши.

В конце концов Дуань Лин произнес:

— Семья Хань... да, Северный принц...

Елюй Цзунчжэнь посмотрел на Дуань Лина, и тот почувствовал в его взгляде нечто сложное, что-то, что, как ему казалось, он уже видел в чьих-то глазах.

Цай Янь. В этот миг в его глазах промелькнуло нечто, похожее на то, что он видел у Цай Яня, но тут же исчезло. Дуань Лин понял, что это была беспомощность, гнев и негодование. Елюй Цзунчжэнь, должно быть, был на пределе своих сил, когда дело касалось отношений между императрицей Сяо и Хань Вэйюном, и то, что власть государя попала в руки постороннего, должно было еще больше наполнять его ненавистью.

— Поэтому сейчас не время для похода. Если они это сделают, ситуация выйдет из-под контроля. В лучшем случае Ляо аннексирует Цзянчжоу и прилегающие районы, Сычуань перейдет к Чэнь, а районы к северу от Великой стены — к Юань. Если это произойдет, Чэнь и Юань заключат союз и вторгнутся на нашу суверенную территорию. В худшем случае Ляо не сможет взять Цзяннань, но и не сможет вернуться на центральную равнину. Тогда монголы начнут полномасштабное вторжение.

Елюй Цзунчжэнь хмыкнул в знак согласия.

Дуань Лин больше ничего не сказал, и Елюй Цзунчжэнь добавил:

— Давай сегодня вечером отправимся в знаменитую достопримечательность Шанцзина — Калиновый двор.

— Конечно, — с улыбкой ответил Дуань Лин.

<http://bllate.org/book/15657/1400642>